

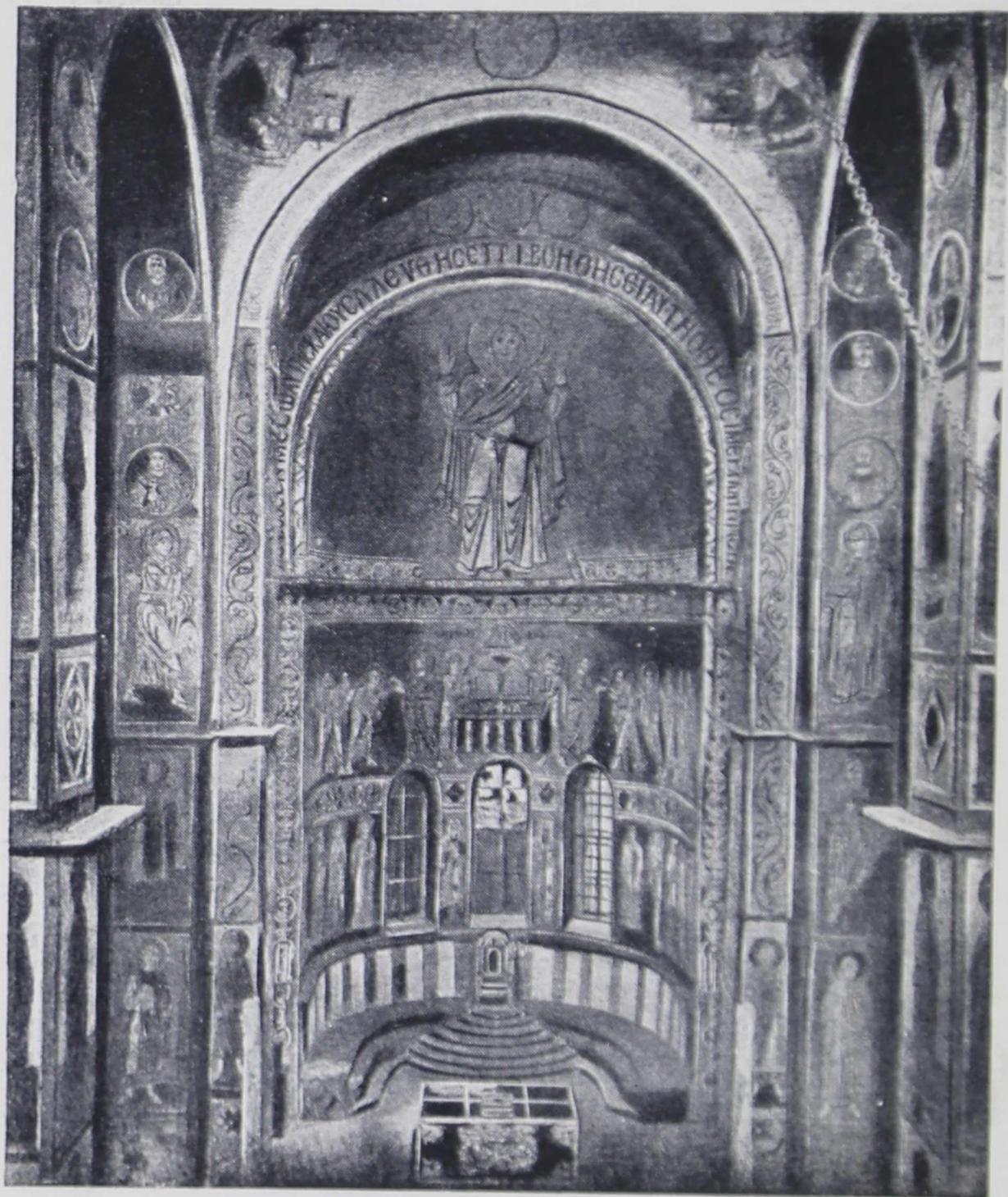
УДК 12
Г-80

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Б. Д. ГРЕКОВ

К
УЛЬТУРА
КИЕВСКОЙ
РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1944

Главная алтарная абсида св. Софии Киевской.
Собр. И. Э. Грабера

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

91012
П 80

ИЗ КНИГ
С.П.Григорова

Б. Д. ГРЕКОВ

**КУЛЬТУРА
КНЕВСКОЙ
РУСИ**

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—Ленинград
1944

АНДЖИНИ НАКЪ ОМОНА ОУ

С. П. ДРОГОБИЦА
18 КНИГ

ВЪ ТРИМЪ

ИЗДАНИЕ

1880

С. П. ДРОГОБИЦА
18 КНИГ
ВЪ ТРИМЪ

ИЗДАНИЕ

1880

W

ОТ АВТОРА

Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность.

Переступив порог св. Софии, вы сразу попадаете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покоряют вас своим совершенством, прежде чем вы успеете взглядеться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи. О нем без всякого преувеличения говорил русский митрополит Илларион: „Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада“. Даже в перестроенном после значительных повреждений виде в XVII в. этот храм возбуждал удивление иностранцев. „Вся загадка в том,— пишет Павел Алепский (был в Киеве в 1653 г.),— откуда они (русские.— Б. Г.) добывают этот мрамор, эти огромные колонны, находящиеся вне церкви, потому что во всей этой стране нет ничего похожего на ломки мрамора. Оказывается, что они возили его через Черное море из Магтога, находящегося в окрестностях Константинополя, и потом подни-

---

Примечание. Для данного очерка использованы были, кроме источников, следующие работы: 1) Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси; 2) М. Д. Приселков, Нестор-летописец; 3) Е. Голубинский, История русской церкви; 4) История русской литературы. Изд. АН СССР, т. I, и др.

мались большою рекою Niergos, впадающей в это море; выгружали же в городе Кieve“.

Ваше удивление возрастет еще больше, если к этим впечатлениям присоединить, что св. София — не единственный, а может быть, и не лучший памятник этого рода. Рядом с Софией стоял другой храм, рухнувший во время осады города Батыем, так называемый Десятинный, известный также и под именем Софии.

Он занимал большое пространство (1542,5 кв. метров, ярославова София — 1326, правда без галлерей) и, судя по остаткам строительного материала и орнамента, был отделан даже богаче Софии ярославовой. Множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм „мраморным“), мелкие обломки мраморных баз и капителей, куски яшмы, повидимому привезенной из Крыма, остатки пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера, доставленного, вероятно, с Карпат, частицы стеной мозаики, фрагментов греческих надписей, — все это вместе взятое не оставляет сомнений относительно характера зданий.

Остатки рухнувшей, вероятно тогда же, нецерковной большой постройки, условно называемой дворцом княгини Ольги, говорят о таком же великолепии княжеского жилища. Это — двухэтажное кирпичное здание, в числе украшений которого в мусоре на пожарище найдены тонкие кирпичные плитки, окрашенные в светлокоричневый цвет, мраморы, красный шифер, мозаика, фрески, стекло и др. „Дворец“ выстроен раньше Десятинной церкви, т. е. приблизительно в середине X в.

Владимир, заинтересованный в построении в своем государстве христианских храмов, что требовалось для придания Руси христианского облика, отлично понимал ценность античного искусства. Он не мог отказать себе в том, чтобы не увезти из взятого им Корсуня античные статуи, два капища и квадригу [„Взя же ида медяне, две капищи и 4 кони медяны, иже и ныне стоят за святою Богородицею (Десятинная церковь.— Б. Г.), якоже неведуще мнят я мраморяны суща“], и поставил их на самом видном месте, где они и стояли, украшая столицу, до взятия ее Батыем.

Совершенно так же, по инициативе Карла Великого, его столицу Аахен украшала статуя Теодориха, похищен-

ная Карлом в Равенне, а увезенная из Константинополя конная квадрига до сих пор украшает фасад церкви св. Марка в Венеции.

Не менее сильное впечатление производит и Новгород Великий, сумевший сохранить до наших дней свою Софию, воздвигнутую в 1045—1051 гг. взамен сгоревшей деревянной тринадцатиглавой. Чернигов гордился своим Спасом, построенным счастливым соперником Ярослава, его братом Мстиславом. Столица этого последнего — Тмутаракань, к сожалению, не сохранила древних культурных ценностей. Полоцк сильно переделал свою Софию, но мы и по дошедшим до нас следам можем составить представление об архитектурном замысле ее создателя... Нет нужды перечислять всех сокровищ Киева, Новгорода, Чернигова, Полоцка, Галича и других древних городов Руси. И без этого перечня бросается в глаза не только высокий уровень русской культуры X—XI вв., но и широкое ее распространение на огромных пространствах Восточной Европы.

Откуда же этот размах и столько вкуса в произведениях искусства? Очень часто на сцену в таких случаях выводят греческих инженеров и мастеров. Но это ответ только наполовину. Крупные сооружения требуют не только опытных инженеров, а и достаточно квалифицированных рабочих, которых, конечно, из Греции не привозили. На Руси в это время было немало своих мастеров-художников. Слава о них шла далеко по земле уже в IX и X вв. В известном трактате Теофила (конец IX в.), посвященном технике различных художественных ремесел, в почетном списке передовых стран Европы и Востока Русь поставлена на втором месте после Византии, впереди Англии, Италии, Франции и Германии. О более позднем времени и говорить не приходится.

В сказании о Борисе и Глебе (XII в.) отмечается мастерство русского художника, который „тако украси (раку Бориса и Глеба.— Б. Г.) добре, яко не могу,— пишет автор,— сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим, приходящим от Грек и иных земель глаголати: „нигде же сицея красоты бысть“. Византийский поэт XII в. прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Итальянец Плано Карпини, перевидавший немало изящных вещей у

себя на родине, не мог не отметить единственную вещь, бросившуюся ему в глаза при дворе Гуюк-хана, — ханский трон, сделанный русским мастером Козьмой: „Трон был из слоновой кости, было там также золото, драгоценные камни, если мы хорошо помним, и перлы“¹.

Инженер только выполняет заказ, а заказчиком в данном случае было Киевское государство, заинтересованное в том, чтобы Киев стал не хуже Константинополя, чтобы свои собственные Софии появились в крупнейших городах Руси, и прежде всего в ее столице, чтобы величественность и грандиозность столичных зданий могли вызывать в русском человеке сознание величия своего народа и государства.

По этим, случайно уцелевшим показателям высоты и блеска культуры Киевского государства мы вправе судить и о других сторонах жизни общества, неизбежно находящихся в известной взаимосвязи. И все то, что имеется у нас в руках, будь то предмет домашнего обихода, украшение костюма, оружие, поэма, проповедь или повествовательное литературное произведение, — одинаково говорит о том, что не случайно, а вполне закономерно появились в столице Руси и в других русских городах в X—XI вв. величественные постройки, их талантливые строители и яркие художники.

Конечно, внезапно все это явиться не могло. Эти достижения — результат длительной жизни народа, умевшего трудиться, богатого инициативой и талантами, сумевшего создать условия для своего дальнейшего роста.

Мы можем проследить главнейшие этапы развития этой культуры, давшей столь четкие показатели своей зрелости уже к X—XI вв.

---

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси.

ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Когда речь идет о культуре того или иного народа, то приходится учитывать не только непосредственные достижения самого этого народа, но и то наследство, которое он получил от своих этнических предшественников, из элементов которых создавался и сам данный народ.

Мы не можем точно сказать, как именно и когда образовались славяне, но мы с полной убежденностью можем утверждать, что их происхождение корнями и ветвями входит в доскифское и скифское время, когда различные скифские племена и народности путем длительного и разнообразного общения друг с другом создавали новые этнические единицы, одной из коих и является славянство.

Имеем ли мы право, изучая культуру славян, игнорировать тот период их истории, когда они, еще не будучи славянами, тем не менее знали уже земледельческие орудия, были знакомы со многими видами хлебных злаков, пользовались силой прирученных животных, знали секрет добывания и обработки металлов, выработали известные представления о мире земном и загробном, в связи с чем у них успели сложиться строго соблюдаемые религиозные обычаи. Такого права мы не имеем.

Конечно, многое в жизни народных масс изменялось в связи с изменениями условий этногонического процесса, завершившегося формированием славянской народности, но всех культурных достижений новое этническое образование забыть не могло, и мы сделали бы очень

большую ошибку, если бы отказались от изучения этого старого наследства, без которого не может быть понята история культуры славян.

Это замечание относится ко всем народам мира. Нет народа без предков. Не может быть и истории без изучения культурных ценностей, созданных этими предками.

Только идя по этому пути, мы сможем избежать тех грубых ошибок, которыми наполнена наша историография по интересующему нас вопросу. Крупнейшему, например, историку XVIII и начала XIX в., с мировым именем, Шлецеру (1735—1809) восточноевропейская равнина до IX в. представлялась „ужасно дикой и пустой“. „Конечно,— продолжает он,— люди тут были, бог знает с каких пор..., но люди, не отличавшиеся ничем, не имевшие никаких сношений с южными народами, почему и не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным южным европейцем“.

Прославленному Шлецеру, конечно, следовало бы знать, что эти люди, которых он считал дикарями, были в разное время связаны с самыми культурными народами мира — эллинами, римлянами, арабами, греками (византийцами) и другими, что названные народы прекрасно „замечали“ и по мере надобности „описывали“ своих северных соседей, что, наконец, эти более культурные народы были поставлены в необходимость не только замечать, но и, для своей же пользы, внимательно изучать северян, которые отнюдь не казались им подобными зверям и птицам. Правда, немецкие же ученые, современники Шлецера, ему не верили, и Генрих Шторх (1766—1835), например, не мог не напомнить, что восточные славяне вели значительную торговлю с Востоком и Западом уже в VIII в. Но Шлецер это нисколько не смущало. Он называл рассуждения Шторха неучеными и уродливыми и считал, что этим своим приемом он решает спор в свою пользу.

Сам Шлецер в упорном отстаивании своего представления о древней Руси встречался, казалось бы, с крушающими его взгляды доводами. Как могла Византия заключать договоры с Русью, почему Русь свою мореходную терминологию в значительной степени получила от Византии, а не от норманнов, от которых, по теории Шлецера, она должна была ее получить, по-

нейшем русском монастыре. Эта симпатия к Печерскому монастырю подогревалась разладом Святополка с митрополитом Николаем (1096—1101) и его преемником Никифором. Святополк, наконец, решился на шаг, которого давно ожидали русские патриоты. Он согласился, хотя и не на полную канонизацию Феодосия. Игумен монастыря был повышен в ранге и стал архимандритом. Рука князя Святополка чувствовалась и здесь¹.

А в это время Нестор, автор житий Бориса и Глеба и Феодосия, готовился к новому труду, приступить к которому вскоре получил официальное поручение.

Мы можем совершенно точно ответить на вопросы, поставленные Шлецером: „Как пришло Нестору на мысль написать временник своей земли и на своем языке? Каким образом этот русс вздумал быть историком своего народа?“ Мысль эта была внушена ему культурными запросами самого русского общества. Нестор не только вздумал стать историком своего народа, но и стал им потому, что был к этому подготовлен своим образованием, а труд его был облегчен специальной работой его предшественников; литературный русский язык к этому времени был уже настолько развит, что вполне мог служить требованиям как научной книги, так и поэтического произведения любого жанра.

Есть имена, успевшие стать символами. Таково и имя Нестора. Даже те, кто сомневается в наличии Нестора-летописца, должны признать, что имя великого старца не только живет, но и популярно, как имя Гомера.

Шлецер, не имевший никаких специальных побуждений к прославлению автора „Повести“, познакомившись с нею, выделил ее среди других произведений того же рода. „Этот русс,— писал он,— в сравнении с исландцами и поляками так превосходен, как рассудок, иногда затмевающийся, в сравнении с беспрестанною глупостью“. Только для Шлецера величие этого произведения было неразрешимой загадкой, для нас же—это вполне понятная закономерность.

Нестор понял свою задачу очень широко. Он и переделал, и завершил труд своих предшественников, значительно раздвинув его хронологические рамки, и уде-

---

¹ М. Д. Приселков, Указанное сочинение.

лил много внимания князю Святополку, затушевывая темные стороны его деятельности и подчеркнув положительные.

Нестор поплатился за это выражение симпатий к Святополку, как только власть после смерти Святополка перешла к его противнику Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах во многом расходился со своим предшественником. На Киевский стол он сел уже 60-летним мужем. Блестяще для своего времени образованный, многоопытный в делах ратных и международных, изучивший людей, его окружающих, и в то же время знающий нужды народной массы, он сумел составить план действий со строгим учетом реального политика, понявшего разницу между желаемым и возможным. Своей основной цели — спасти Русское государство от полного распада ценою необходимых компромиссов он достиг: обособившиеся владетельные князья получили возможность на узаконенном основании сидеть в своих вотчинах-княжествах при условии признания киевского князя, олицетворявшего единство Русской земли.

Очень хорошо понимая значение различных политических течений, обострившихся в последние годы княжения Святополка и столь бурно проявивших себя в первые дни после его смерти, Мономах не совсем одобрительно относился к деятельности Печерского монастыря, и Нестора в частности.

Дело летописания было передано в фамильный монастырь Всеволодовичей и попало в руки игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра. Ему дано было поручение не просто продолжать труд предшественников, а переделать его заново по указанию самого Владимира Мономаха. Этим распоряжением власти высказывалось недоверие к Нестору и его монастырю, осуждался курс, взятый им и положенный в основу труда его жизни. Сделан был шаг, по своим последствиям далеко выходящий за пределы Печерской монастырской стены, за пределы самого Киева, имея значение общерусское. Имя Нестора после этого надолго стало одиозным. Оно было выброшено и из книги, строго говоря, ему принадлежащей, — разрешалось лишь подразумевать его под анонимом „черноризца Феодосьева монастыря Пе-

черского". И много должно было пройти времени, пока это имя воскресло и прозвучало на весь мир.

Так сложилась общественно-политическая обстановка, в которой рождался первый систематический труд по истории Руси. Он все-таки появился, и те трудности, какие приходилось преодолевать его авторам, ясно говорят нам о понимании его важности. Боролись за каждую мысль, потому что она была не безразлична.

Киево-Печерский монастырь не желал мириться с создавшимся для него положением, постарался восстановить свое морально-политическое значение в глазах всего русского мира и ценою значительного компромисса добился того, что дело летописания снова перешло к нему, продолжаясь, впрочем, одновременно и в монастыре Выдубицком.

Если мы примем во внимание, что параллельно с этой основной линией русского летописания шли боковые, что составлялись своды и в Новгороде, и в Галицкой земле, и в Переяславле, что летописным делом занимались и духовные люди (при монастырях и епископских кафедрах), и светские (при княжеском дворе), то станет очевидным огромный интерес к вопросам своей истории в различных уголках Русской земли.

„Повесть временных лет“ — это одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила неувядаемый интерес на протяжении веков. Книгу читали с волнением и интересом и тогда, когда она только что вышла из рук автора, равнодушно ее не читают и сейчас.

Кроме многочисленных русских изданий, „Повесть временных лет“ печаталась и переводилась за границей: в 1860 г. в Вене она была издана Миклошичем. Одновременно с изданием Миклошича предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод „Повести“ на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине, в 1834 г. Луи Пари на французский язык в Париже, в 1849 г. на шведский язык в Гельсингфорсе, в 1864 г. Яромир Эрбен в Праге перевел летопись на чешский язык, в 1869 г. в Копенгагене Смит — на датский язык. В 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации „О Несторе“. Им же сделан перевод всей летописи в 1884 г.

В том же году вышел во Львове перевод К. Лучаковского на латинский язык.

Чем объяснить столь большой и неумирающий интерес к труду, писанному 900 лет назад в Киеве, и его исключительное влияние на последующую историографию о России, как русскую, так и не-русскую? Ведь не секрет, что схема, выработанная „Повестью“, оказалась столь живучей, что от нее не могли уйти ни Карамзин, ни Соловьев, ни Ключевский. А строго говоря, слишком далеко отходить от нее не имеем оснований и мы.

Для читателя XI—XII вв. это было живое слово о Родине, о ее прошлом и настоящем, о великих трудах предшествующих поколений, завершенных образованием могущественного государства. В наше время это источник для познания прошлого Руси — источник в своем роде единственный, дающий хотя и не полное, но стройное, правдивое и последовательное изображение хода древнего периода истории Русской земли.

Русская земля жила не изолированной жизнью, она росла, крепла и завоевывала свое место в мировой истории, постоянно соприкасаясь с другими народами. Ее первые историки не могли не интересоваться этими связями, так как они входили в жизнь народа русского. Отсюда и всеобщий интерес к „Нестору“ (в собирательном значении слова). Поскольку история Киевского государства — это очень крупная часть всемирной истории, постольку и книга, написанная автором-киевлянином, посвященная своему государству, не могла и не может не представлять интереса для историка любой европейской и азиатской страны.

Я не собираюсь долго останавливаться здесь на всем богатом содержании „Повести временных лет“. Мне кажется необходимым лишь подчеркнуть главнейшие идеи, положенные в его основу, и указать на технику его выполнения.

Нас поражает прежде всего глубина постановки вопроса о месте Руси в мировой истории. Нестор, придавший скромным по замыслу записям характер широких обобщений всемирно-исторического масштаба, пользуясь данными Библии, рисует грандиозную политическую и экономическую картину мира. Среди народов он отыски-

вает место славян, чтобы таким путем последовательно подойти к восточным славянам.

Отдав дань идее славянского единства, бросив клич о славянском культурном единении через язык и грамоту, как раз в то время, когда славянство переживало тяжелые времена (Моравская держава была разбита венграми в начале X в., Болгарское царство — Византией в начале XI в., полабские и балтийские славяне уступали немецкому напору и вместе с чехами и поляками католическому влиянию), Нестор спешит перейти к главному предмету своего исследования — судьбам народа русского.

Он очень хорошо знает географию страны. Он знает, что „из Оковьского леса“ текут три крупнейшие реки, игравшие в истории России решающую роль: Днепр, Западная Двина и Волга. Он знает, что по Днепру, через систему сближающихся рек, идет путь от Балтийского моря к Черному, от стран Скандинавских — к Царьграду и Риму. Двина ведет на запад к морю Варяжскому, а Волга — далеко на восток в страны при- и закаспийские. Так он очерчивает место, на котором намерен изобразить жизнь своих соотечественников, но главное внимание обращает на тот период их истории, когда вокняжилась новая династия — Рюриковичей. Почему ученые XVIII и XIX вв. не заметили, что Нестор сознательно оставил без освещения очень большой период до-рюриковской истории Руси, неизвестно. Но факт остается фактом, и с ним необходимо считаться.

Нестор, сославшись на первое упоминание о своем народе в „летописаньи греческом“ при императоре Михаиле, так и говорит: „мы... скажем, что ся (на Руси.— Б. Г.) здеа в лета си, якоже преже почали бяхом первое лето Михаилом“, и под 858 г. помещает сообщение о том, что „Михаил царь изиде с вои берегом и морем на Болгары“, а под следующим годом приводит факт из русской истории, но факт, явно не начальный, а вырванный из середины, о том, что прибалтийские народы, в том числе и славяне, платили дань варягам и что хазары брали дань на некоторых южных русских племенах. О тех частях Русской земли, которые никому не платили дани, он молчит, тем самым показывая, что сообщаемые им факты имеют в его повествовании служебное, узкое назначение. Автору лишь надо показать, при каких обстоятельствах

появился в Новгороде варяг Рюрик и почему новая династия столкнулась с хазарами.

Династия спасла, по убеждению летописца, русский и многие не-русские народы от „усобиц“, она „великим трудом“ собрала их в единое государство, она же должна и сейчас, когда „усобицы“ с новой силой разъедают Русь, спасти политическое единство страны. Эта идея пронизывает всю тогдашнюю и последующую литературу, доводя ее до высшего своего выражения в „Слове о полку Игореве“.

Гордость за свое прошлое, опасение за будущее и призыв к защите целостности Родины — этот идейный стержень „Повести временных лет“ свидетельствует о политической зрелости как ее авторов, так и тех, для кого она была писана.

В этом труде историк русской культуры должен отметить и другую не менее важную сторону — умение справляться с делом составления истории своего государства и народа, степень подготовленности автора к большому, самостоятельному, творческому труду.

Образованных и талантливых людей на Руси в это время было уже много. Конечно, не все были Илларионами или хотя бы приближающимися по силе таланта к не известному нам по имени автору „Слова о полку Игореве“, но ведь люди, им подобные, ни в какое время и ни в какой стране не считаются дюжинами.

Нестор — не поэт и не первоклассный оратор. Это только мастер своей специальности, человек, много учившийся, много знающий и умеющий структурно и литературно оформлять свои мысли. Не вещие персты возлагал он на живые струны. В его руках было только перо, и... великий русский язык — инструмент, уже тогда совершенный, позволявший автору просто, правдиво и доходчиво изображать „своих отцов минувшую судьбу“.

Нестор — это ученый своего времени, историк, умеющий подниматься до сознания связи мировых явлений.

Прежде чем браться за столь ответственный труд, он долго и упорно проделывает подготовительную работу. В его распоряжении писания его предшественников, от которых ему, однако, удастся шагнуть далеко вперед. Он изучает греческие хроники и среди них особенно внимательно хронику Амартола и его продолжателя

Симеона Логофета. Знает он „Хронограф“, Никифоров „Летописецъ вскоре“, „Житие Василия Нового“, „Откровение Мефодия Патарского“, славянское сказание об обретеннии грамоты словенской, источники об апостоле Андрее, просветителе скифов, договоры с греками; он знает народные предания, исторические песни и другой фольклорный материал. Наконец, он сам наблюдает и постоянно общается с современниками, делавшими историю и безусловно ему помогавшими как личными беседами, так и материалами. Конечно, не кто иной, как князь Святополк Изяславич, допустил его в свой княжеский архив, где Нестор видел договоры с греками и другие документы.

Наконец, в самом Печерском монастыре бил свой собственный ключ общественной и политической мысли. Святополк Изяславич взял себе за обычай, „коли идяше на войну или инамо толи поклонився у гроба Феодосиева и молитву взем у игумена, тоже идяше на путь свой“. В 1107 г., 12 августа русские полки одержали победу над половцами, а через 2—3 дня князь Святополк прямо с поля боя был уже в Печерском монастыре с радостной вестью. Юрий Долгорукий назначил своему союзнику Владимиру свидание в Печерском монастыре, где они и „сотвориста любовь межи собою велику“. Таких фактов можно привести много.

Нестор умеет критически разбираться в фактах. Он же создает их связь и восстанавливает хронологию.

С каким признанием Несторова мастерства относились последующие историки-летописцы к его труду, видно и из того, что каждый из них труд Нестора вставлял в свое произведение без всяких умышленных изменений. Мы имеем и прямую его оценку обывателем Ростовской области, очень скромным любителем истории. Он выражался так: „Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдет здесь многое недостаточное или неполное, да не позазрит мне, ибо не киевлянин я родом, ни из Новгорода, ни из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашел, столько и написал. Чего силе моей невозможно и чего не вижу перед собою лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, дохторскому искусству не учился... Мне, что бог поручит

в руки, то в первые лета и после впишем“ (ПСРЛ, XV, 142). „Аще хощеша вся уведати,—писал епископ Симон черноризцу Поликарпу в 20-х годах XIII в.,—почти летописца старого ростовского“.

Каждый читатель летописи, кто бы он ни был, знал, что это книга надежная и необходимая.

Всякий образованный русский человек XI—XII вв. не только должен был хорошо владеть литературным русским языком, не только разбираться в догматах своей христианской веры, иметь понятие о логике (это все и есть „докторское искусство“), но прежде всего хорошо знать историю своей страны. Доказательств тому много: высшее духовенство, князья, боярство, писатели и поэты — знают историю Руси. Илларион превосходно осведомлен в этой области. А автор „Слова о полку Игореве“ нас просто удивляет широтой своих исторических познаний и глубиной понимания исторических событий.

У кого все они учились? Откуда эта осведомленность? Ответ один: источник их знаний — „Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля“. Везде, где только жили русские люди, по этой книге учились познавать свое национальное и культурное единство, уважать и любить свое прошлое, гордиться общими предками, своей кровью сумевшими отстоять независимость Родины.

Светильник, зажженный в XI в. в честь Русской земли, освещал ее дальнейший путь. Не угас он и сейчас.

Великорусс, украинец, белорусс, обращаясь к своему прошлому, непременно кладут перед собой „Повесть временных лет“ и находят там самих себя. В до-киевском и Киевском государстве они ясно видят корни, откуда пошли их народы с присущими всем трем ветвям Руси благородными свойствами: умом, самоотверженностью, гигантским размахом природы. Только такой народ мог освоить неизмеримые пространства на двух материках и в постоянных встречах с народами не-русскими находить общий дружественный язык.

1970 Н.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
I. Истоки русской культуры 7
II. Культура Поднепровья VI—VIII вв. 13
III. Эволюция славяно-русской языческой религии 23
IV. Христианство на Руси. Защита Русью своей национальной культуры 28
V. Отношение русского народа к своему историческому прошлому 44

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР за № 2033

Редактор *Ц. М. Подюрненская*

Л50574 Подп. к печати 27/IV 1944 г. Объем 40¹/₄ п. л. + 8 вклеск
Уч.-изд. л. 4,25 Тираж 5000 Цена 3 руб. Зак. 2142

6-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при СНК РСФСР
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
20 — 21	Подпись к ри- сунку	гор. Визижа	гор. Вщижа
64	9 сверху	1105	1150

Греков. Культура Киевской Руси.

2142

Цена 3 руб.